

АНТОЛОГИЯ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составители О. Васильева и В. Узин. Издательство литературы на иностранных языках. Москва, 1939 (*Literatura española. Antología. Ediciones en lenguas extranjeras. Moscú, 1939*).

Когда в мои руки попала эта антология, я испытал нечто похожее на радость школьника, которому в награду за хорошее поведение подарили книгу: неся ее подмышкой, он идет домой, но, не утерпев, выбирает укромное местечко, садится на скамейку и принимается рассматривать свое сокровище.

Это вполне понятная радость. Ведь у себя на родине я был одним из садоводов-профессионалов, возделывавших сад литературы. Не ученым крохобором, но свободным и строптивым садоводом.

В одном из наших приморских городов, где так много солнца и так много пальм, некий оригинал, занимавшийся садоводством, каждой пальме дал имя какого-нибудь знаменитого писателя. Гости гуляли по его саду, как по Парнасу, и при желании могли даже беседовать с давно ушедшими от нас писателями, неожиданно принявшими образ высоких и стройных пальм.

Да ведь и у каждого из нас есть такой сад—сад наших великих и славных предшественников, которые тоже, конечно, испытывали муки творчества и, может быть, вели столь же яростную борьбу, как и мы. Читая их произведения, мы как бы беседуем с ними, отдыхаем от повседневных литературных боев, порой просим у них совета и помощи... Еще Декарт говорил, что чтение хороших книг—это общение с величайшими ценностями минувших столетий.

Но случилось так, что я должен был спешно покинуть свой сад. У меня не было другого багажа, кроме собственной жизни, но и это было уже много. Там, на родине, я оставил свой маленький цветущий сад: чудесные вечера, проведенные с Сервантесом; ночные бдения над книгами великого Лопе де Вега; веселые минуты, которыми я обязан тонкому юмору Кеведо. Оставлять все это мне было тяжело, ибо если у человека есть легкие крылья, то есть у него и прочные привязанности.

Во французском концентрационном лагере, где меня преследовали голод, болезни и вши, я не мог заниматься садом литературы. Я убедился на собственном опыте, что пока бедняки всего мира не добьются удовлетворения своих насущнейших потребностей, до тех пор их горизонт будет по необходимости ограничен. Я понял, что к ним можно предъявить только одно требование: они должны восстать для того, чтобы перестать быть бедняками. Все прочее — чистейший идеализм.

Когда такой элементарный враг, как голод, побежден, мир становится шире, а глаза снова начинают видеть красоту вещей. Так слу-

чилось со мной, когда я снова вернулся к жизни. Я затосковал по моему литературному саду, мне страстно захотелось погулять под сенью его деревьев. Но можно ли найти его где-нибудь, кроме Испании?

И вдруг я получил антологию испанской литературы, выпущенную в свет московским издательством «Литература на иностранных языках».

Эта антология вернула мне мой цветущий сад. Но помимо этой причины личного, я бы сказал — сентиментального характера, есть еще причины, заставляющие меня воспринимать выход антологии, как исключительно радостное событие.

Антология испанской литературы делает честь советской издательской технике: внешнее оформление книги безукоризненно. Но не в этом суть. Основное значение антологии в том, что она является одним из многих показателей культурного уровня советского народа. Она служит доказательством того, что советское правительство идет навстречу той тяге к культуре, которую проявляет советский народ, и стремится удовлетворить все его потребности. В Советской стране книги предназначаются для народа, они служат его развитию, расширению его кругозора, необходимого делу социалистического строительства и родине. Меня особенно восхищает, что советский народ проявляет интерес и к иноземным культурам и, в частности, к культуре испанской.

Только народ, свергнувший гнет голода, только народ, чей горизонт небывало расширился, может овладеть всеми духовными ценностями. Таков советский народ. Возможности, которые открывает народу социальная революция, огромны. Можно представить себе, каких успехов достигнет Советский Союз, когда вся учающаяся молодежь начнет применять свои знания к жизни!

Одним из учебных пособий будет служить ей антология испанской литературы. Литература отражает жизнь народа. Советский студент, изучающий испанскую литературу, должен помнить, что она отражает жизнь народа, которому еще предстоит сыграть роль не менее важную, чем в прошлом.

Кажется, так легко составить антологию: достаточно иметь ножницы. На самом деле, для того, чтобы составить хорошую антологию, нужно обладать большими знаниями и много работать.

Литература того или иного народа — это обширное поле. Правда, здесь можно найти дорожки, тропинки, указатели; имеется определенная методология. Годы непрерывного изуче-

ния привели к своего рода естественному отбору, и, в известном смысле, антологии являются результатом этого отбора: после долгой промывки песок отсеялся и остались крупинки чистого золота.

Итак, в основном, антология — это отбор. С такой установкой составители принимаются за работу. Перед ними два пути: путь наименьшего сопротивления, то есть механическое использование того, что уже сделано другими составителями, и другой, трудный путь, путь творческий, обязывающий составителей выработать свой принцип отбора.

Узин и Васильева пошли вторым путем, и это составляет главную ценность их антологии. У них был свой принцип. Как советские литературоведы, они не могли не руководствоваться одним из важнейших положений марксизма: передовыми писателями являются те, кто в своих произведениях отражает идеи и стремления народа, его борьбу за лучшее будущее. Критерий советского литературоведения — это критерий народности, критического освоения культурного наследия и создания новой культуры.

Когда основной критерий найден, составителям остается произвести отбор материала. Но это легко сказать, да не так легко сделать, потому что, как известно, с этой точки зрения литература еще очень мало изучена и тут работы непочатый край.

В современной литературе отбор не представляет особых трудностей.

Что касается прошлого, то необходимо пересмотреть под новым углом зрения все литературное наследство. Необходимо глубокое и кропотливое изучение этого наследства. Нужно отойти от того, что сделано буржуазными литературоведами, и воскресить тех авторов, которых они намеренно обходили молчанием. Надо задуматься над тем, почему некоторые писатели, когда-то пользовавшиеся широкой известностью, в настоящее время забыты. Торные дорожки не приводят к значительным результатам. Надо открывать новые пути.

Принимая во внимание все эти трудности и то, что советские авторы являются пионерами в этом деле, я считаю, что антология составлена великолепно. Отбор в большинстве

случаев сделан совершенно правильно. Укажу на отдельные недостатки. «Песнь о моем Сяде» не следовало давать в прозаическом модернизованном пересказе Альфонсо Рейеса. Какими бы достоинствами ни отличалась его проза, все же это пересказ. О Хиле Висенте антология дает представление только как о лирике, а не как о политическом поэте. Между тем, это был один из первых испанских последователей Эразма. Творчество Хуана дель Энсина и Лопе де Руэда представлено, пожалуй, слишком скудно.

Некоторые писатели почему-то совсем не представлены в антологии. В Испании же они получили всеобщее признание и неизменно включаются во все хрестоматии. Я имею в виду Гутьерреса де Сетина, Эспинеля, Листо, Хуана Никасио Гальего, Мартинеса де ла Роса, Эстебанеса Кальдерона, о котором Менендес-и-Пелайо сказал, что это один из наиболее кастильских писателей своего времени, Аделардо Лопеса де Аяла, Эчегарая и Кампоамора, принадлежащих к числу крупнейших писателей XIX века. Не включен и Грасиан, хотя его стиль можно назвать стилем барокко, но в Испании он очень популярен.

Биографические сведения о писателях оставляют желать лучшего. Конечно, антология — не история литературы, требующая детально разработанных биографий. Но все-таки составители не должны были ограничиваться сухими справками. На мой взгляд, в этих заметках надо было хотя бы сжато рассказать о том, чем был для своей эпохи тот или иной автор, и дать общий обзор его творчества.

А в общем — прекрасная, в своем роде единственная антология. Составители блестяще справились со своей трудной задачей. В предисловии они отмечают непрерывность народных традиций в испанской литературе. Их антология дает возможность советскому студенту проследить эту непрерывную линию.

В будущем, вероятно, появятся более полные хрестоматии. Но составители, с помощью Федора Кельина, сделали первый шаг: своей антологией они внесли ценный вклад в дело изучения испанской литературы и создали прекрасное пособие для советского студенчества.

Сесар М. Арконада

ФРЕДЕРИК ПРОКОШ—„НОЧЬ БЕДНЯКА“.

Изд. Харпер, Нью-Йорк, 1939 (Frederic Prokosh. «Night of the Poor». Harper and Brothers, New York, 1939).

О книге Фредерика Прокоша «Ночь бедняка» в Америке говорят, как о большом художественном событии. Все прочитанные нами рецензии в американских журналах сходятся на одном: Прокош — настоящий художник, и книга его — одна из лучших книг об Америке, написанных за последние годы. Особенно подчеркивается, что Прокош «по-уитменовски» ощущает и видит Америку. «Это уитменовская Америка, о которой поет Прокош («Нью рипаблик»). «Подобно Уитмену и Сэндбергу, Прокош умеет увидеть и передать всю неповторимую прелесть американских ландшафтов» («Нью-Йорк геральд трибюн»).

«Ночь бедняка» — пятая книга писателя. Ее трудно назвать романом. Это скорее серия

фрагментарных набросков, сюжетно не связанных и все же составляющих единое художественное целое, — так же, как виды, мелькающие в окнах идущего поезда, сливаются в единый пейзаж. В книге Прокоша только один герой — семнадцатилетний юноша Том, скромный деревенский мальчик, наивный и целомудренный, ничего не знающий о жизни и людях. Автор лишь мимоходом сообщает скудные детали его биографии. Том вырос у дяди на ферме, немножко учился, кое-что читал. Потом дядя умер, и осиротевший юноша перебирается из Висконсина к своим родственникам в Техас. Весь этот огромный путь с северо-восточных до юго-западных окраин страны Том проделывает пешком с пятью дол-